

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУДЬБАХ НАУКИ

© 1992 г., ЭО, № 6

Е. И. Филиппова, В. Р. Филиппов

КАМО ГРЯДЕШИ?

В нашем «цехе» воцарилось уныние. Будущее отечественной этнологии (и академической, и вузовской) неопределенно, и даже у самых последовательных оптимистов нет уверенности в ее завтрашнем дне. Конечно же, в больном обществе болеет и наука (всякая, не только наша!), и сокрушаться о причинах «внешних», этнологам неподконтрольных, — занятие праздное. Винить во всех бедах только поразивший страну кризис и не пытаться выяснить факторы «внутренние» — значит усугубить положение. То, что российская этнология находится на перепутье, в той или иной степени признают, пожалуй, все представители профессии. Предсказать ее дальнейшие пути — задача трудная и вряд ли посильная для одного, пусть даже самого светлого ума. Последнее соображение и привело нас к идее оценки актуального состояния и прогноза ближайшего будущего нашей дисциплины «мозговым штурмом», а именно методом экспертных оценок. Этот метод, и в частности дельфийская методика («Delphi-method»), примененная нами, многократно и успешно использовались в ходе научно-технического прогнозирования за рубежом¹ и, несколько позже, в нашей стране².

Предлагаемая вниманию читателей статья — результат первого этапа исследования. Проведенная «предпрогнозная ориентация» призвана была уточнить круг проблем, подлежащих обсуждению, и определить континуум мнений по обсуждаемым вопросам. Цель дальнейших этапов — максимально сблизить выявленные точки зрения и получить некую усредненную модель «состояния умов» наиболее авторитетных ученых-этнологов, а также определить «крамольные» взгляды, принципиально отличные от мнения большинства. Первоначально мы не планировали обнародовать промежуточные результаты обследования, однако полученные на данном этапе суждения наших экспертов оказались весьма интересными, а потому, на наш взгляд, публикация полученной информации может оказаться полезной в сложившейся переломной ситуации. Кроме того, на следующих этапах исследования информация будет формализована и в значительной степени потеряет «авторское лицо», а нам хотелось донести до читателей мнения ученых-экспертов таким образом, чтобы за идеями, формулировками, языком ощущалось присутствие наших коллег.

Необходимо сказать несколько слов о принципе отбора экспертов. Сразу отметим, что среди отобранных нами специалистов читатель встретит только московских ученых. Это обстоятельство ни в коей мере не означает, что мнение коллег-немосквичей нас интересует в меньшей степени. К сожалению, скромные материальные ресурсы (а точнее, отсутствие таковых) и жесткие временные рамки (обозначенные редакцией «Этнографического обозрения») вынудили нас формировать группу экспертов исключительно из столичных этнологов.

В результате опроса ряда ведущих сотрудников Института этнологии и антропологии РАН и кафедры этнологии МГУ мы получили список, включающий более 80 фамилий, из которых отобрали 14 встречающихся не менее трех раз. Эти люди и стали экспертами. Таким образом, есть основания полагать, что наши собеседники, высказывая свою индивидуальную точку зрения, в то же время представляют мнения, достаточно характерные для сообщества этнологов в целом.

Известные трудности возникли при разработке программы исследования. По понятным причинам число вопросов, предлагаемых к обсуждению, не могло быть особенно велико. Следовательно, необходимо было рационально ограничить круг проблем (тех или иных аспектов нынешнего положения и будущего развития отечественной этнологии), которые станут предметом дискуссии.

Прежде всего нас интересовало, как оценивают эксперты актуальное состояние нашей науки: насколько распространено представление о глубине кризиса, каковы его причины, в чем он проявляется. Большинство опрошенных нами ученых действительно ощущают современное положение в отечественной этнологии как кризисное. Вот, на наш взгляд, наиболее емкая характеристика этого кризиса.

А. А. Никишенков: «Этнология оказалась сегодня в другом обществе и должна ему соответствовать — это и есть фундаментальный фактор смены парадигмы, т. е. кризиса. Внутри науки накопилось изрядное количество профессиональных стереотипов (мышления и деятельности), которые многими уже давно осознаются как устаревшие, ошибочные или идеологически конъюнктурные (к примеру: господство естественно-научных идеалов в гуманитарном по своей природе этнологическом познании; трактовка категории „научная актуальность“ в виде синонима категории „политическая злободневность“, засилие механистического, шаблонного жанра так называемой „этнографической монографии“»).

Обращает на себя внимание сходство в понимании причин и проявлений кризиса «руководителями» московской этнологии — директором академического института и заведующим кафедрой МГУ.

В. А. Тишков: «Отечественная этнология переживает достаточно глубокий кризис, который составляет часть общего кризиса советского обществознания, академической науки и общественных порядков. Он проявляется в: несоответствии статуса дисциплины, ее кадровых и материальных возможностей тем общественным потребностям, которые существуют в России; сохранении негибких, сдерживающих индивидуальную свободу ученых, организационных структур науки, отсутствии рынка интеллектуального труда и спроса на высокопрофессиональные разработки этнологов; теоретико-методологической узости исследовательских подходов, сохраняющемся засилии политизированных, схоластических концепций, интеллектуальной оторванности от мирового сообщества антропологов; низком профессиональном уровне значительной части членов профессии, отсутствии должной вузовской подготовки и притока талантливой молодежи».

В. В. Пименов: «Есть достаточно оснований для констатации кризисных явлений в отечественной этнологии. Причин несколько: а) кризис в межэтнических отношениях; б) теоретическая слабость многих этнологов; в) их методико-методологический индифферентизм и др.».

Такое единодушие позволяет надеяться, что будут предприняты совместные шаги, направленные на изменение сложившейся ситуации. В пользу этого предположения свидетельствует и состоявшийся в конце февраля 1992 г. диалог академических и университетских этнологов на совместном заседании Ученого совета института и кафедры этнологии МГУ.

Обеспокоенность В. В. Пименова и В. А. Тишкова недостаточно высоким уровнем подготовки специалистов-этнологов разделяет и З. П. Соколова, связывающая возможное углубление кризиса в ближайшие годы с отсутствием сильного «среднего звена» в нашей науке.

Примечательно, что, хотя сам факт наличия кризиса признается многими, приводимые в пользу этого мнения аргументы зачастую диаметрально противоположны и зависят от представлений того или иного ученого о том, чем, собственно, должна заниматься этнография.

З. П. Соколова: «Значительно уменьшилось число публикаций по традиционной культуре народов страны, ее изучение (а это главное, на мой взгляд, в этнографии) вытесняется разработкой иных — социологических, прикладных, этногенетических проблем. Особенно резко сократилось число монографий по отдельным народам или группам родственных народов».

В. И. Козлов: «Основания для констатации кризиса — преобладание описательных работ над аналитическими, уход в прошлое, которое изучать „спокойнее“».

Несколько особняком стоит мнение С. А. Арутюнова, который считает, что кризис поразил прежде всего и преимущественно именно российскую этнологию.

С. А. Арутюнов: «Армянская, грузинская, а возможно, украинская и белорусская и, безусловно, балтийская этнография (не этнология) будут развиваться своими более или менее нормальными путями; там уже сложились национальные школы... Остаются и предмет, и возможность поллевой работы, да, наверное, и публикации будут. В так называемых „мусульманских, республиках...“, мне кажется, формирование школы в целом — дело будущего, хотя отдельные прекрасные ученые уже есть.

В российской же как этнологии, так и этнографии, да и физической этнической антропологии положение сложнее. Именно в силу того, что нынешнее (и любое вообразимое) правительство лишено национальной идеи, оно и не может осознать значение этнологии как фундаментальной науки. ... И по финансовым, и по политическим, и по иным причинам будут сужаться возможности и поллевой работы, и публикаций. Рвутся и будут рваться связи центра с учреждениями на местах, особенно в национальных республиках. Марксистская теоретическая концепция поспешно выбрасывается за борт, никакой адекватной замены ей не просматривается. База исследования (т. е. контингент потенциальных информаторов), по крайней мере в славяноязычных регионах, также сильно сужается».

Г. Е. Марков, напротив, склонен считать кризис явлением универсальным: «Можно говорить о кризисе отечественной (в той же степени и зарубежной) этнологии в связи с отказом от изучения фундаментальных проблем науки: у нас они вытеснены социологией, так называемой „этносоциологией“ (никто не знает, что это такое), за рубежом — эмпирической этнографией».

Таким образом, эксперты, признающие реальность сегодняшнего кризиса в отечественной этнологии, выделяют в качестве его составляющих факторы, существующие как «внутри» науки (отсутствие прочной теоретико-методологической базы, «размывание» предметной области науки, обилие политизированных, конъюнктурных исследований и пр.), так и «вне» ее — неблагоприятные политические и экономические условия. Впрочем, было высказано мнение, ограничивающее проявления кризиса лишь «внешними» обстоятельствами.

И. В. Власова: «Кризис относительный: затруднены публикация и пропаганда этнографических знаний».

Существует и иной подход к анализу современной ситуации в нашей науке. Суть его в том, что налицо не внезапно разразившийся кризис, а результат длительной депрессии этнографии в советское время. Однако и сторонники этого взгляда расходятся в понимании причин, породивших упадок.

М. В. Крюков: «Термин „кризис“... к современному положению в нашей этнографической науке неприменим. Более точным было бы говорить не о внезапном кризисе, а о хронической стагнации. Основным фактором, определявшим такое положение нашей этнографической науки, была навязанная ей (как, разумеется, и всем другим сферам общественного знания) „партийность“, понимаемая как авторитарно предписываемое требование обосновывать и пропагандировать те или иные идеи, которые в большинстве своем рождались не в результате самого исследовательского процесса, а предъявлялись ученым в виде готовых формул. Развитие научной мысли в этих условиях не было остановлено, но оно было заторможено и приобретало зачастую уродливую форму схоластических упражнений по поводу абстрактных тезисов, оторванных от реальной жизни, или сводилось к заведомому искажению фактов. ... Этнография ... медленно и с трудом, но все же освобождается от этих пут. Процесс мучителен и сложен, но это не кризис, а постепенное выздоровление».

Я. В. Чеснов: «Отечественная этнология в последние 70 лет находилась под официально-политическим прессом, вытеснявшим все наиболее ценное. Это кри-

зисная ситуация для науки, но не кризис в науке. Сейчас наша этнология нуждается ... в слиянии с мировой наукой ... Очевидно, ей надо стать необходимой для мировой науки, а это возможно только посредством самостоятельного творчества».

Как видим, суть высказанных мнений сводится к тому, что корень зла — в навязанной этнологии извне официальной доктрине, которая, однако, существовала как бы отдельно, не затрагивая глубоко собственно этнографических изысканий.

Согласно другой точке зрения, период стагнации ограничивается двумя — тремя последними десятилетиями и связан с проблемами, имманентно присущими самой этнологии.

В. Н. Басилов: «Процесс деградации идет уже десятилетия два. Но я говорил бы об упадке этнографии. Этнология объявлена всего лишь вчера, без четкого разъяснения, что это такое».

В. В. Карлов: «Думаю, что нет оснований говорить о кризисе отечественной этнологии в настоящий момент, связывая его с общим кризисом отечественного обществоведения: в сравнении с другими общественными науками этнология сейчас в менее кризисном состоянии. Но она давно переживает „затяжную депрессию“. Эта депрессия началась с 1950—1960-х годов, когда традиционная этнография себя почти исчерпала, а новые подходы к этнокультурной деятельности наша наука еще не выработала, новый взгляд на свой предмет, особенно по отношению к бытию народов индустриального общества, так и не был найден».

Наконец, существует более оптимистичный взгляд на нынешнее состояние российской этнологии.

С. И. Брук: «Кризиса в отечественной этнологии нет. Происходит нормальная перестройка, но эта перестройка (как и в стране в целом) не имеет более или менее ясной концепции».

Л. М. Дробижева: «Оснований говорить о кризисе отечественной этнологии нет. Наоборот, она начала возвращаться к нормальному развитию науки, когда имеют место разные взгляды и направления, сторонники которых ведут открытую полемику».

П. И. Пучков: «Кризиса нет. В последние годы появился ряд интересных исследований».

Во время проведения опроса некоторые эксперты (В. Н. Басилов, Г. Е. Марков, А. А. Никишенков, В. А. Тишков) выразили недоумение по поводу значительного числа вопросов, касающихся теории этноса, в нашем опросном листе. Мы не случайно уделили особое внимание этой проблеме, ибо полагаем, что основные трудности в развитии российской этнологии в обозримом будущем будут связаны именно с образовавшимся в ней в последнее время определенным «теоретическим вакуумом». Многие десятилетия вопрос о теории «высокого уровня» вообще не ставился (да и не мог быть поставлен) советскими этнографами. Все мы работали в достаточно жестких рамках материалистического понимания истории вообще и «марксистско-ленинской теории наций» в частности. Сейчас маятник теоретических воззрений готов качнуться в противоположную сторону, и не потому, что мы все вдруг усомнились в корректности прежних взглядов, а потому, как нам кажется, что взгляды эти просто набили оскомину. Кроме того, «идеологическая выдержанность» большинства исследований не всегда была выражением методологического *credo* автора и нередко сводилась к подборке положенного количества необходимых цитат (это прежде всего относится к кандидатским диссертациям).

Приблизительно аналогичная ситуация сложилась и с теорией «среднего уровня». Многие годы освященная авторитетом директора академического института, «советская теория этноса» стояла фактически вне критики, а следовательно, была практически лишена стимулов к совершенствованию и развитию. Значительная часть ученых в этих условиях сознательно или бессознательно сторонилась участия в разработке теоретических проблем. Да и сегодня, как показал,

в частности, данный опрос, у многих членов нашего «цеха» сохраняется скептическое отношение к изысканиям в области теории, которым они противопоставляют конкретные эмпирические исследования. Между тем нам представляется, что при создании любого аналитического труда ученый должен иметь некую общую концепцию, в русле которой он и строит свои рассуждения.

Все это и побудило нас уделить в беседах с экспертами вопросам теории значительное место.

Прежде всего нас интересовало, признают ли ведущие специалисты-этнологи существование единой «советской теории этноса».

Решительно преобладающей оказалась точка зрения, отрицающая реальность такого научного феномена. При этом глубина этого отрицания различна. Суть наиболее категоричной позиции сводится к тому, что отсутствует не только теория этноса (причем как в отечественной, так и в мировой науке), но и наличие реального содержания в самом понятии «этнос» не является бесспорным.

Г. Е. Марков: «Никакой советской или антисоветской теории этноса не существует, и сама проблема „этноса“, его реальности, не совсем ясна».

В. А. Тишков: «В „Dictionnaire de l'ethnologie et de l'anthropologie“ (Paris, 1991) термин „этнос“ вообще отсутствует. Мне, как сравнительно недавнему рекруту в нашу дисциплину, трудно комментировать этот вопрос: лучше послушать тех, кто занимался теорией этноса ряд последних десятилетий».

Простым отрицанием существования «советской теории этноса» ограничились С. И. Брук, И. В. Власова, Л. М. Дробижева, П. И. Пучков.

Согласно еще одной точке зрения, в отечественной этнологии нет единой теории, а сосуществуют несколько оригинальных теоретических концепций.

В. В. Пименов: «Имются несколько теорий этноса (их авторы: В. И. Козлов, Н. Н. Чебоксаров, Ю. В. Бромлей, В. В. Пименов, Л. Н. Гумилев и др.)».

В. В. Карлов: «Едва ли единая теория существует. У многих из нас разное понимание этноса. Считаю, что создание „единой теории этноса“ — нонсенс для нашей науки, нечто из унификаторских прожектов нашего „застойного прошлого“».

Признавая существование различных авторских теоретических построений (как это будет видно из дальнейшего), М. В. Крюков и А. А. Никишенков тем не менее считают, что понятие «теория этноса» в отечественной науке в течение многих лет отождествлялось в первую очередь с концепцией Ю. В. Бромлея.

М. В. Крюков: «Никакой единой „советской“ теории этноса, разумеется, нет и никогда не было. Была определенная совокупность взглядов, исповедовавшаяся главным теоретиком и с течением времени все больше и больше обретавшая атрибуты научной догмы. На протяжении последних лет любая попытка ученых, в принципе разделявших основные положения данной теории, взглянуть на ее отдельные составляющие с иной точки зрения вызвала раздражение руководителя научной мысли и по возможности пресекалась. Настоящей дискуссии на эту тему не получалось, потому что доводы оппонентов разбивались о многократно повторяемые автоцитаты, не сопровождавшиеся анализом новых фактов или дополнительной аргументацией. Что же касается иных концепций этноса, основывавшихся на качественно отличных теоретических позициях, то они вообще не принимались всерьез».

А. А. Никишенков: «Единой „советской“ теории этноса, конечно же, не было и нет. Но в силу доминирования в советской науке принципа жесткой иерархии (ИЭ АН СССР — „Министерство этнографической науки“) концепция „главного этнографа страны“ Ю. В. Бромлея (хотел он этого или не хотел — это вопрос особый) стала для многих эталонной и произвела в научной деятельности определенную унификацию в системе понятий и в исследовательской проблематике».

В ответах наших собеседников представлено и мнение, согласно которому «советская теория этноса» существовала, но существовала сама по себе, не оказывая заметного влияния на конкретные этнографические исследования.

З. П. Соколова: «Существует „советская“ теория этноса, разработанная

Ю. В. Бромлессем и его единомышленниками, но это как бы „элитная теория“. Большинство этнографов, на мой взгляд, в своих исследованиях исходит из собственных взглядов, нередко довольно примитивных, о чем говорят путаница и разноречивость в терминологии. По-моему, самих этнографов это не очень заботит».

В. Н. Басилов: «Мне никогда не казалось, что теория этноса есть самое важное, чем мы должны заниматься. Хотя Ю. В. Бромлей посвятил теории этноса многие годы и приобщал к занятию ею других весьма энергично, эта теория существовала сама по себе, не оказывая ощутимого влияния на конкретные исследования. Быть может, причина здесь в том, что теория этноса выросла не из внутренних потребностей науки, а из личных склонностей Ю. В. Бромлея. ... При дурном состоянии описательного, первичного материала все потуги на высокую теорию останутся скольжением по поверхности».

Вместе с тем ученые, принимавшие непосредственное участие в теоретических изысканиях, признают право на существование такого понятия, как «советская теория этноса», расходясь, однако, в оценке перспектив развития этой теории.

В. И. Козлов: «Единая „советская“ теория этноса существует, но требует доработки».

С. А. Арутюнов: «Она существовала, естественно, в индивидуальных и групповых модификациях, в работах С. П. Толстова, С. А. Токарева, М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова, Ю. В. Бромлея, С. А. Арутюнова, Ю. Мкртумяна и некоторых других авторов. Она будет существовать, пока эти авторы продолжают публиковаться, в реликтовом виде. Дальнейшего развития она, видимо, иметь не будет, так как в определенной мере при любых оговорках базируется на марксистском, т. е. историко-материалистическом и формационном, понимании истории, а это сейчас не модно».

Дополнением к вопросу о существовании в отечественной этнологии теоретических концепций стал вопрос о том, работы каких исследователей содержат наиболее полное и последовательное изложение этих концепций. Отметим, что из ряда суждений по этому поводу заметно выделяется своей категоричностью одно мнение.

Г. Е. Марков: «То, что в горах исписанной по этому поводу бумаги заслуживает хотя бы какого-то внимания, имеется в отсутствующих в библиотеках СНГ работах С. М. Широкогорова. Все остальное — игра слов и придумывание нелепых терминов. Все это ничего общего не имеет с фундаментальной наукой».

Остальные эксперты назвали труды Ю. В. Бромлея (С. А. Арутюнов, Л. М. Дробижина, А. А. Никишенков, В. В. Пименов, В. А. Тишков); С. А. Токарева (С. А. Арутюнов, В. В. Карлов, В. А. Тишков); Н. Н. Чебоксарова (С. А. Арутюнов, В. В. Карлов, В. В. Пименов); Л. Н. Гумилева (В. И. Козлов, М. В. Крюков, А. А. Никишенков, В. В. Пименов, В. А. Тишков); В. И. Козлова (Л. М. Дробижина, М. В. Крюков, В. В. Пименов, В. А. Тишков); С. А. Арутюнова (С. А. Арутюнов, М. В. Крюков, В. А. Тишков); В. В. Пименова (А. А. Никишенков, В. В. Пименов); М. Г. Левина (С. А. Арутюнов, В. В. Карлов); С. И. Брука, П. И. Пучкова (В. А. Тишков); М. В. Крюкова (Л. М. Дробижина); С. П. Толстова, Ю. Мкртумяна (С. А. Арутюнов); Н. М. Могиланского, С. М. Широкогорова (В. В. Карлов).

Два наиболее полных и развернутых ответа на вопрос о существующих в отечественной этнологии теоретических концепциях мы считаем необходимым привести целиком.

А. А. Никишенков: «Если считать теорией этноса существующий в нашей науке жанр сочинений, в котором с квазиестественно-научных позиций излагается система универсальных категорий, претендующих на отражение всего многообразия исторически сложившихся этнических общностей, то таких теорий — изрядное количество. Они могут быть разделены на две группы, обладающие выраженной оригинальностью: 1) теория Л. Н. Гумилева и 2) все прочее. В теории Л. Н. Гумилева оригинальность определяется ее абсолютной внепарадигмальностью по отношению к официальному институту этнологической науки и ее эклектичным историческим пафосом, превращающими ее в научную

мифологию, основанную на ряде в принципе неверифицируемых догматов веры автора. Все прочие отечественные теории этноса находятся в одном мировоззренческом русле и отличаются только в деталях. Большинство из них характеризуется преобладанием онтологизма (акцент на сущностном содержании категорий), историзмом (последовательное развертывание различных типов общности во времени), социологизмом (упор на социальные системы, лишь „обрастающие” культурной плотью, в своем историческом движении не зависимые от воли людей). В этом ряду концепций выделяется теория В. В. Пименова, которая основной упор делает не на онтологию, а на гносеологию (методологизм), давая систему методов (так называемый „компонентный анализ”) эмпирического моделирования этноса. Большинство отечественных концепций этноса базируется на системе понятий и „жанровых принципов”, наиболее полно представленных в работах Ю. В. Бромлея.

М. В. Крюков: «В работах Ю. В. Бромлея и Л. Н. Гумилева представлены два существенно различных подхода к пониманию феномена этничности. Иных „последовательно изложенных” концепций этноса я не знаю, хотя в работах В. И. Козлова, С. А. Арутюнова, П. И. Пучкова и других этнографов содержатся очень важные фрагменты их собственных теорий этнических общностей. Есть, правда, еще одна фундаментальная точка зрения, по-своему также оригинальная: она заключается в том, что этнических общностей как таковых вообще не существует, они суть лишь теоретические конструкты, возникающие в голове ученых. Сторонники этой теории у нас малочисленны, но так как именно ее придерживается директор Института этнологии и антропологии В. А. Тишков, можно предположить, что со временем она обретет новых адептов.

Меня пугает перспектива очередного резкого поворота в ориентации наших исследований. Для науки нет ничего более страшного, чем разрыв традиции. В 20-е годы у нас было сделано в области теории этноса много ценного. Затем в этнографию пришел марксизм, и теория этноса была отменена. К ней вернулись ... через 40 лет и довольно долго были заняты восстановлением в своей памяти основательно забытых достижений прошлого. Далее был сделан значительный шаг вперед, но вот сменились руководители нашей науки, и мы снова будем освобождать память от всего сделанного в этой области за несколько десятилетий. Подобное расточительство может оказаться нам не по карману».

Вряд ли кто-нибудь будет отрицать, что до недавнего времени советская этнография была в значительной степени изолирована от зарубежной науки. Видимо, интеграция в мировую социальную антропологию предполагает восприятие нашими учеными наиболее значительных достижений западных коллег. Тем не менее реакция экспертов на вопрос о возможности использования в отечественных исследованиях различных зарубежных теоретических концепций оказалась весьма сдержанной. Разброс мнений, впрочем, достаточно широк: от фактически полного отрицания целесообразности каких-либо заимствований до признания плодотворными отдельных подходов некоторых западных ученых. Вот мнение наших коллег-экспертов по этому поводу.

Г. Е. Марков: «Никаких результатов не даст слепое копирование (что у нас очень распространено) подходов социальной и культурной антропологии, французской и немецкоязычной этнологии. В теоретическом плане зарубежные вехи науки о народах во много крат слабее отечественной традиционной этнографии, что доказано на примере множества дискуссий с зарубежными учеными, узко сконцентрированными на конкретной проблеме и плохо знакомыми с историей в целом, с политической экономией».

А. А. Никишенков: «Насколько мне известно, никаких серьезных попыток создания теории этноса как особой реальности на Западе в последние десятилетия не предпринималось. В послевоенном мире к общим социальным теориям и вообще к учениям с окончанием на -изм утвердилось достаточно ироническое отношение. Речь может идти лишь о тех или иных интерпретациях этничности в самых разных социальных, политических, культурных контекстах представи-

телями опять же разных гуманитарных дисциплин. Концепции, используемые при этом, вряд ли можно назвать теориями. Скорее это различные варианты эвристических (инструментальных, методических) программ, создаваемых для конкретных исследований. Они могут стимулировать поиск адекватных стратегий познания процессов, протекающих в нашем Отечестве, но „использоваться” напрямую в принципе не могут, ибо несут на себе отпечаток других исторических условий и исследовательских традиций».

М. В. Крюков: «Считается, что в современной западной этнологии существует два лагеря ученых, изучающих этничность: „модернисты” и „примордиалисты”. Взгляды главы второй из этих школ — А. Смита во многом близки к некоторым основным положениям теории Ю. В. Бромлея. ... Один из главных оппонентов А. Смита — А. Купер, позицию которого я бы охарактеризовал как универсальный нигилизм. Купер опровергает все и вся, в том числе и реальность существования этносов, в чем близок к В. А. Тишкову. ... Для нас важно не столько присоединение к одной из этих двух концепций, сколько знакомство с системой аргументов обеих сторон».

С. И. Брук: «Наиболее перспективны те зарубежные исследования, которые занимаются изучением этничности и „меньшинств”».

В числе трудов зарубежных исследователей, содержащих интересные подходы к изучению этничности, реализация которых может быть плодотворной для нашей науки, эксперты назвали работы таких ученых, как Э. Геллнер (С. А. Арутюнов, Л. М. Дробижева), Э. Вульф, С. Тернстоу (Л. М. Дробижева), Ф. Боас, К. Уисслер, Л. Уайт, М. Херсковиц, Г. Гарфинкель, К. Гиртц (В. В. Карлов).

Гносеологические возможности науки не в последнюю очередь определяются тем, насколько разнообразны и эффективны используемые ею методики. Высказывания экспертов по поводу необходимости и возможности применения тех или иных методик на современном этапе развития этнологии показали, что эта проблема воспринимается ими как весьма актуальная.

М. В. Крюков: «Проблемы методики нашей науки вообще и методов сбора и обработки этнографической информации в частности — одно из слабых звеньев в цепи первоочередных задач, стоящих перед этнографией в ее современном состоянии. ... Не уверен, что механический перенос в наши условия практики длительного проживания этнографа среди изучаемого народа, сложившейся в западных университетских центрах, решит все наши проблемы. К тому же, учитывая, что мы вынуждены сегодня обсуждать вопрос о сокращении ассигнований на полевые исследования, сама возможность реализации этой увлекательной перспективы представляется проблематичной. Необходимо повышение эффективности полевых выездов через упорядочение системы планирования и отчетности; стимулирование изучения этнографами языков тех народов, исследованием которых они занимаются; компьютеризация результатов полевых исследований; внедрение современных методов визуальной этнографии; создание в институте семинара по проблемам методики и обсуждение этих вопросов на страницах „Этнографического обозрения”».

А. А. Никишенков: «Убеден, что наиболее перспективной стратегией эмпирического исследования в постсоветской этнологии станет непосредственно личная интерпретация смыслов и значений культур и их трансформаций. Это предполагает коренную ломку стиля полевой работы, доминирующего по сей день (кратковременные поездки в поле с целью „сбора информации” либо получение ее из вторых рук). Если этнологическая наука поставит задачу действительного понимания других народов (этносов), она обязательно придет к длительным (несколько лет) включенным полевым исследованиям, а также к новым жанровым принципам отражения полученного в них знания. Такая стратегия не исключает, а предполагает разработку технических методик организации получаемой информации (статистической, демографической, экономической, экспертной и т. п.). Это суждение не относится к тем ситуациям, когда этнологи

выступают лишь в роли поставщика информации для внеучебных учреждений. Здесь спрос определяет предложение, но не подобный спрос должен формировать стиль фундаментальной научной деятельности».

Я. В. Чеснов: «... Есть и плохо еще осознаваемая необходимость обратиться заново к тому материалу, который считается уже собранным. Например, к 1950-м годам русское жилище в Подмосковье было хорошо изучено. Но потребности дать ответы на вопросы семиотики привели к другому прочтению текста. Раньше ученые в данном жилище искали решение типологических и близких к ним этногенетических проблем. При современном же состоянии науки стало шире само понятие жилища как объекта полевого этнографического исследования, что позволяет решать и ряд мировоззренческих проблем (см. работу А. К. Байбурина).

Мы очень мало используем то, что называется „методом включенного наблюдения“. Увлечение удобным анкетированием опасно потому, что при нем ускользает неожиданное — реалии и ментальные структуры. Если такие пока слабо изученные темы, как этнические образы и символы этноса, еще можно изучать по ответам респондентов, то огромная масса поведенческих этнических стереотипов ускользает от этнографа, увлекающегося социологическим методом. Необходимо возвращение к длительному погружению этнографа в стихию жизни народа.

В мировой науке все более повышается уровень исследований, проведенных в поле этнографами-женщинами. Это не просто иной, не мужской взгляд, а обращение к неинтересным или запретным для мужчин темам».

З. П. Соколова: Методы «... должны быть разнообразными и соответствовать целям и задачам исследования: опрос и наблюдение, в том числе включенное; открытое и закрытое интервью; фотографирование и видеосъемка, зарисовка, чертеж; анализ и использование музейных коллекций, архивных материалов и различных источников; осмысление имеющейся литературы; анкетирование; запись на магнитофон и др. В обработке материала ... желательно использовать компьютер, хотя для большинства этнологов это пока еще недоступно».

С. И. Брук: «Необходимо сочетание метода полевых исследований с тщательной проработкой первичных статистических данных. Отдельно я бы отметил этносоциологические и этнокартографические исследования (последние заключаются не только в составлении карт и атласов; важнейшее значение имеет интерпретация полученных арсалов)».

В. В. Пименов: «Наибольший научный результат обычно дает использование комплекса методов».

В. В. Карлов: «Кроме широко и успешно применяемых методов сбора и обработки, считаю необходимым расширение инструментария сбора материалов путем привлечения методик других дисциплин, например социальной психологии».

В. А. Тишков: «Два основополагающих метода: исторические реконструкции (лингвистические, археологические, генеалогические) и включенное наблюдение. В этнологии сейчас активно используются кросс-культурный анализ, статистика и картографирование, социологические опросы, естественно-научные методики».

Л. М. Дробижева: «Перспективно применение таких методик, как интервьюирование, включенное наблюдение, „автобиографический“ метод сбора информации, контент-анализ прессы и литературы».

Как видим, предложен достаточно широкий спектр взаимодополняющих методик. Обращает на себя внимание растущий интерес исследователей к методу включенного наблюдения. На наш взгляд, глубокие изменения, происходящие в нашем обществе, делают сегодня применение этого метода особенно необходимым. К сожалению, целый комплекс политических и экономических причин действительно пока чрезвычайно затрудняет широкое внедрение его в практику.

Существует и более традиционное представление о методах сбора этнографической информации.

Г. Е. Марков: «Там, где еще можно что-то найти, следует применять традиционный, классический в этнографии метод бесед с информаторами. Он предпочтительнее анкетных социологических опросов, так как последние уже в какой-то степени содержат ответ и, во всяком случае, являются провоцирующими. Вообще же в перспективе особое внимание следует уделить гигантской по объему эмпирической этнографической литературе и архивам».

В. Н. Басилов: «Для этнографии единственно надежным остается сбор сведений в личном общении исследователя с людьми. Все остальное — вторично, менее эффективно».

Следующий вопрос, предложенный нами экспертам, касался определения тех народов или регионов, на изучение которых должно быть в первую очередь обращено внимание специалистов. В один голос практически все опрошенные первыми в этом ряду назвали русских и Россию (С. А. Арутюнов, С. И. Брук, И. В. Власова, Л. М. Дробижева, В. В. Карлов, В. И. Козлов, М. В. Крюков, П. И. Пучков).

В. Н. Басилов отстаивает эту точку зрения наиболее энергично: «В сложившихся конкретных условиях наибольшего сосредоточения сил заслуживают русские. ... Деятельность (и структура) института должна быть изменена в связи с необходимостью уделить русским гораздо больше профессионального внимания».

Среди других народов, названных многими экспертами, явно выделяются те, которые в наибольшей мере вовлечены в межэтнические конфликты. Это прежде всего татары (С. И. Брук, Л. М. Дробижева, Г. Е. Марков, В. В. Пименов), буряты и якуты (Л. М. Дробижева, Г. Е. Марков), народы Северного Кавказа и Закавказья (С. А. Арутюнов, С. И. Брук, Л. М. Дробижева, В. В. Пименов, Я. В. Чеснов).

Кроме того, были названы малые народы Севера (В. В. Карлов, З. П. Соколова), памирские народы (С. А. Арутюнов, С. И. Брук), народы Поволжья (Л. М. Дробижева, В. В. Пименов), Приамурья и Сахалина (С. А. Арутюнов), корейцы и карелы (Л. М. Дробижева) и некоторые другие.

Многие эксперты, отвечая на этот вопрос, не ограничились простым перечислением народов и территорий, а сформулировали определенные принципы отбора объектов изучения.

М. В. Крюков: «Особого внимания к себе требуют, во-первых, проживающие в России компактные группы населения, относящиеся к народам, чья основная этническая территория находится за ее пределами (будь то СНГ или другие страны); во-вторых, этнографические группы всех основных российских этносов. Углубленное изучение этих двух категорий этнических общностей даст нам в дальнейшем возможность ... на уровне современных достижений науки подойти к ответу на вопрос о национальном состоянии населения России; прикладное значение этой задачи... огромно».

С. И. Брук: «В первую очередь надо изучать субэтнические группы русских, а также их переходные группы — на границах русских с другими народами. Разработать понятие „меньшинства“ и изучать их повсеместно. Организовать специальные экспедиции к этносам, которые пока не выделены переписью населения СССР 1989 г., — андо-цезским, памирским народам; различным группам, включаемым сейчас в состав алтайцев, татар; шапсугам и пр.».

В. А. Тишков: «Нуждаются в изучении прежде всего большие и малые города как многоэтнические образования, любые зоны культурного пограничья».

П. И. Пучков: «Представляют особый интерес этносы находящиеся на грани исчезновения; этносы со сложной иерархической структурой; этносы находящиеся на стадии формирования; этноконфессиональные группы бывшего СССР».

В. В. Пименов: «Прежде всего заслуживают внимания регионы, где особенно остры межэтнические напряженность и конфликты».

В. В. Карлов: «Безотлагательно следует изучать малочисленные этносы; этноконфессиональные группы русских».

З. П. Соколова: «Надо заниматься изучением всех этносов и их групп, во всяком случае, стремиться к этому. Может быть, особенно торопиться надо с теми регионами, где наблюдается исчезновение или намек на исчезновение этносов (малочисленных), утрату их культуры (депопуляция и деэтнизация), например, на крайнем севере Сибири и в европейской части России».

Я. В. Чеснов: «Можно говорить не об абсолютном приоритете тематики, а об относительном, связанном с ограниченностью средств, недостатком кадров, политической или общекультурной ситуацией в регионе. Регионом актуального приложения усилий является Кавказ. Слишком много там накопилось нерешенных территориально-этнических проблем. Неравномерно изучены этносы, что само по себе создаст ощущение неадекватности. На Кавказе даже этногенетическая проблематика не сегодня — завтра становится политической».

Г. Е. Марков: «Для этнографии (этнологии) все народы по значению равны и исследования их одинаково актуальны. Для социологии — народы „горячих точек“ и сопоставление процессов, происходивших в последние 40—50 лет в бывшем Советском Союзе и развивающихся странах „третьего мира“».

В вопросе о том, какие периоды бытия этносов должна по преимуществу изучать этнология, наши собеседники проявили отрадное единодушие. Подавляющее большинство в той или иной мере разделяет мнение, которое наиболее ярко сформулировал С. А. Арутюнов: «Этнография есть наука о современности».

В то же время очевидно, что понимание современности невозможно без вдумчивого изучения прошлого.

С. И. Брук: «Я бы особое внимание обратил на период от вхождения в состав России данного этноса до современного положения. Межэтнические отношения в течение всего этого периода должны быть в центре внимания».

В. Н. Басилов: «Отношение к Российской империи как к „тюрьме народов“ привело к искажению жизни страны в период до 1917 г. в советской научной литературе; пора открыть этот период заново».

Г. Е. Марков: «Величайшая ошибка, которую допускали отечественные исследователи, изучая „рабочий“ и „колхозно-совхозный“ быт, — стремление понять настоящее без глубокого знания прошлого. В конечном счете результат неудовлетворительный».

Иную позицию в этом вопросе занял В. А. Тишков: «Хронологически интересны и важны все периоды от глубокой древности до современности. Главное — привлечь новые источники, заполнить „белые пятна“ и пересмотреть слабые интерпретации, а в некоторых случаях и откровенные фальсификации».

Наибольшее разнообразие мнений выявилось при ответе на вопрос о перспективных направлениях исследований — как теоретических, так и конкретных. Среди названных экспертами проблем есть достаточно традиционные для нашей науки, однако в силу тех или иных причин не получившие пока должного освещения или требующие пересмотра под новым углом зрения, а есть и такие, в разработке которых делаются только первые шаги. Во всяком случае, несомненно, что перед нами весьма широкое поле деятельности, где каждый исследователь может выбрать себе «участок» в соответствии с личными склонностями и вкусами.

А. А. Никишенков: «По моему мнению, наиболее актуальным направлением сегодня является проблема изучения личности и общностей разных уровней в контексте стремительной трансформации устоявшихся культурных, социальных, политических, экономических и тому подобных структур, иными словами, уже ставшая классической в мировой антропологии проблема аккультурации и связанные с ней аспекты („культы кризиса“, миллениаризм, эсхатология, наитивизм, профитизм и т. п.). Эта проблемная сфера актуальна и в чисто научном плане, так как позволяет рассматривать самые разнообразные социокультурные явления (в том числе и этнические) в состоянии динамики, которая только и дает возможность выявить сущность вещей. Актуальна она и в нашем расхожем значении этого слова, ибо выводит на познавательные задачи, важные не только

для науки, но и для политических и иных общественных структур нашего общества».

В. А. Тишков: «Направление, которое действительно актуально, — изучение чувства и манифестации этничности как средства мобилизации и достижения определенных целей на индивидуальном и коллективном уровнях, как формы... терапии в условиях социальных вызовов (неравенство, распределение власти и ресурсов, лишение достоинства, репрессии и другие „травмы“»).

З. П. Соколова: «Пробелы есть во всех направлениях исследований, их надо определять по регионам и народам (например, у народов Сибири плохо изучена семья). Перспективные направления: 1) сравнительно-историческое изучение народов (выявление общего и особенного в их культуре); 2) этногенетический аспект изучения традиционной культуры; 3) культура и адаптация; 4) межэтнические отношения на основе изучения этногенеза и этнической истории народов, взаимовлияния культур».

В. В. Карлов: «В первоочередной разработке нуждаются понимание предмета этнологии по отношению к этносам индустриальной и постиндустриальной стадий; проблема этнокультурного воспроизводства малочисленных этносов».

Л. М. Дробижева: «Проблема ценностей, интегрирующих этнос, соотношение культурного и психологического компонентов в менталитете этноса, нормативная культура, взаимодействие общесовременных изменений и культурных традиций у народов разных конфессий».

В. И. Козлов: «Место и роль этнического сознания в жизни людей. Психология межэтнического взаимодействия».

В. В. Пименов: «Межэтнические конфликты и пути их преодоления».

И. В. Власова: «Вопросы этногенеза и этнической истории».

С. И. Брук: «Совершенно новых подходов требует концепция этноса. Старые положения не могут быть модернизированы. Надо оторвать этнос от территории и языка и делать больший упор на духовные ценности. Опыт показывает, что этническая история и этногенез при изучении этноса прежде также недостаточно учитывались. В теории этноса менее всего разработаны проблемы этнопсихологии. Без создания теории иерархичности этносов дальнейшего продвижения вперед в нашей науке не будет. Сейчас никто не может сказать, чем отличается этнос от субэтноса. Должна быть также градация этносов по их развитию (это не означает возврата к понятиям племени — народности — нация)».

М. В. Крюков: «Нет ответа на главный вопрос: что же все-таки отличает этнические общности от политических, конфессиональных, кастовых или каких-то иных... Решение этого вопроса, как мне кажется, приблизит нас к проникновению в сущность этнического».

С. А. Арутюнов: «Наиболее актуальные направления: изучение язычества (как это делают А. К. Салмин, В. М. Кулемзин, И. Н. Гемусев, Н. А. Алексеев и др.); семиотика жилища и пищи, в том числе и современных (ср. работы А. К. Байбурина, Я. В. Чеснова, А. М. Сагаласва, В. М. Чиковани и др.); традиционное земледелие (работы И. Мухиддинова); этнополитическая конфликтология».

Г. Е. Марков: «По всем проблемам нашей этнологии следует начинать с самого начала — а именно очиститься от фальсификаций, которыми мы все занимались, когда писали о себе, о странах Запада и „третьем мире“. Задачи сегодняшнего дня требуют: 1) исследования традиционной доколхозной хозяйственной деятельности для использования всего ценного; 2) выяснения истинного менталитета, умонастроения людей».

Логика развития любой науки ведет к тому, что на определенном этапе возникают проблемы, для решения которых оказывается полезным, а часто просто необходимым, объединение усилий нескольких научных дисциплин. На стыках «родственных» отраслей знания возникают так называемые «смежные науки», исследующие общие сюжеты, использующие общие методики. Не стала исключением из этого правила и этнография — одна за другой возникли этно-

социология, этноэкология, этнодемография и другие «этно»-науки. Отношение к ним профессионалов неоднозначное. Одни, как, скажем, В. А. Тишков, считают, что именно на основе междисциплинарных подходов возможно сегодня эффективное научное творчество. Другие (например, В. Н. Басилов) ратуют за чистоту собственно этнографии. Мнения остальных экспертов лежат между этими крайними точками зрения.

А. А. Никишенков: «История взаимодействия отечественной этнологии с другими научными дисциплинами за последние десятилетия отражает развитие представлений, доминирующих в различные периоды. Этнология в этих представлениях прошла путь от некой супернауки, включающей в себя все виды гуманитарного знания, до вспомогательной исторической дисциплины (наряду с нумизматикой, палеографией и т. п.) и от последовательно сменяющихся союзов с археологией, фольклористикой и другими дисциплинами до состояния распыления в эпоху расцвета теории этноса на множество субдисциплин, несущих приставку этно- (этнодемография, этнопсихология, этноэкология, этноботаника ...), среди которых доминирующее положение оставалось за этносоциологией. Не претендуя здесь на общую оценку этой тенденции (она не может быть однозначной), нельзя не отметить угрозы исчезновения собственно этнологии как отдельной научной дисциплины. А это вполне возможно, так как по числу профессиональных этнологов наша наука уступает любой из научных дисциплин; длительное доминирование естественно-научного идеала среди этнологов может привести к комплексу „методологической неполноценности“ перед более „развитыми“ в этом смысле дисциплинами. Концепция этноса, казалось бы, призвана „схватить обручем“ разнородные этнонаправления в рамках этнологии, но в действительности она гораздо больше способствует их расхождению, ибо привязывает свой предмет лишь к одному аспекту самых разных социокультурных систем — к так называемой этничности. Объективный процесс расширения междисциплинарных исследований все более жестко предъявляет участникам сотрудничества требование осознания индивидуальности своей науки, а также ее специфического места в системе взаимодействующих дисциплин. Эта же специфика, по моему мнению, определяется сегодня не столько предметной областью, сколько способом видения социальной реальности, вытекающим из интеллектуальной традиции. Если же говорить о конкретных науках, союз с которыми в ближайшее время наиболее вероятен и плодотворен, то я думаю, что это история и социология».

В. В. Карлов: «Получение интересных результатов возможно (и необходимо) на стыке с любыми смежными дисциплинами (от археологии до социологии, демографии и даже медицины, техники и т. д.), но при условии ясного и отчетливого понимания этнологами специфики своей дисциплины и своего предмета. А одна из самых актуальных задач — сотрудничество с социальной психологией».

В. В. Пименов: «Возможны разные варианты. Интересного может быть много. Скажу лишь, что для современной ситуации кажутся наиболее целесообразными творческие связи этнологов с социологами, психологами, демографами, экономистами и экономгеографами, а также с математиками и статистиками».

Я. В. Чеснов: «Наука все больше гуманитаризируется. Сейчас это выражается в ее сегментации и в переходе на сложные структуры. Объект образуется обычно в „стереоскопическом взгляде“ двух наук. Таковы этноэкология, этнопсихология, этнолингвистика. Уже существуют этноневрологические, этногинекологические, этнопедиатрические исследования. Можно также представить себе слияние не двух, а трех и более наук. Тогда это будет одна наука с использованием разных методик. Иными словами, ощущается сейчас снижение методологических претензий отдельных наук. Зато повышется значение методик. Наиболее интересные результаты ожидаемы там, где больше всего проявляется человеческое: на гранях общения с биологическим и другими мирами. ... особенно перспективно изучение биологических аспектов этнического феномена, поскольку именно эти качества,

ментально преобразованные, и определяют уникальность этноса среди всех прочих человеческих ценностей».

Л. М. Дробижева: «Сейчас в науке, как и у народов, идет полоса усиления самоориентации. Одной из причин этого явления можно считать усиление конкуренции в условиях рынка. Однако именно данное обстоятельство заставит проводить прикладные исследования, предмет которых нельзя проанализировать без привлечения знаний смежников — этнополитологов, этносоциологов, этнопсихологов, этноэкологов, этнодемографов, этногеографов, этностатистиков, этноконфликтологов. Да и функциональные исследования обычно достигают удачи, если широко используют достижения гуманитарных и естественно-научных знаний. Наиболее перспективны связи этнографии с этнопсихологией, этноэкологией, а для решения прикладных задач — этноконфликтологией, этнополитикой, этнодемографией, этносоциологией».

Г. Е. Марков: «Связи с зарубежной (упаси Боже, не с нашей!) психологией и гражданской историей, обязательно — политической экономией; считаю наш „исторический“ подход к науке единственно верным. Его следует лишь „очистить“ от догматики и демагогии прошлого, что, впрочем, уже делалось рядом исследователей до „перестройки“».

В. Н. Басилов: «Разговоры о стыках с другими науками вызывают у меня удивление. Они начались в период директорства Ю. В. Бромлея и ни к чему существенно новому не привели. Появились новые слова, например этноархеология³, но за ними нет принципиально нового явления. Сложилась вроде бы этносоциология, но по существу это направление осталось социологией. Необходимость стыка или поиска новых данных в сфере близких наук вызывается внутренними потребностями исследования. Так, давным-давно было ясно, что при попытках разобраться в этногенезе какого-либо народа полезно все, что может служить указанием на какие-то прошлые связи: данные археологии, лингвистики, фольклора и т. д. Так что важно понять прежде всего внутренние потребности науки. Самое главное сейчас — спасти саму этнографию, так как в течение последних 20 лет руководитель науки (Ю. В. Бромлей) не видел в ней ее богатейших потенциальных возможностей, а развивал то этносоциологию, то исследования первобытности, лишая таким образом этнографию средств, физического пополнения, простора деятельности».

М. В. Крюков: «Создание этносоциологии не вывело науку на принципиально новый уровень и не привело к существенным прорывам в теоретическом осмыслении объекта наших исследований. Тем не менее поиски в междисциплинарных зонах следует продолжать. Негативное воздействие на состояние этнографии оказывает практическое отсутствие у нас таких субдисциплин, как этнолингвистика и этнопсихология».

Остальные эксперты не дали развернутого ответа на данный вопрос, а лишь обозначили те дисциплины, с которыми, по их мнению, этнографам нужно взаимодействовать особенно тесно. Были названы: археология и антропология (С. А. Арутюнов, И. В. Власова, З. П. Соколова); лингвистика (И. В. Власова, З. П. Соколова); социология и география (С. И. Брук, П. И. Пучков, З. П. Соколова); демография (С. И. Брук, В. И. Козлов, П. И. Пучков); психология и экология (В. И. Козлов); отечественная история, экономика и фольклористика (З. П. Соколова); картография и медицина (П. И. Пучков).

Итак, что же мы получили в результате первого этапа исследования? Прежде всего — большое удовольствие от работы с коллегами. Нам очень приятно, что наша затея была понята и поддержана практически всеми, к кому мы обратились с предложением сотрудничества. Наши эксперты — люди совсем не праздные — не пожалели ни времени, ни идей, благодаря чему читателю, надеемся (как и нам), было интересно общение с крупными учеными.

Состоявшийся обмен мнениями позволил скорректировать программу дальнейшей экспертизы. В частности, стало ясно, что обсуждаться должна не теория этноса как таковая — она воспринимается большинством опрошенных как чисто

умозрительная и в значительной степени схоластическая, — а комплекс фундаментальных теоретических проблем нашей науки. Диапазон и значение таких проблем еще предстоит выяснить.

Достаточно отчетливо определился континуум мнений специалистов-этнологов по всем обсуждавшимся вопросам. Это, несомненно, значительно упростит процедуру формализации информации и разработку инструментария для будущего опроса.

Кроме того, сформирован банк первичной информации, знакомство с которым, мы надеемся, позволит экспертам уточнить высказанные точки зрения с учетом системы аргументации своих оппонентов, что приблизит нас к выработке наиболее обобщенной и взвешенной модели состояния отечественной этнологии.

На данной стадии исследования мы ограничились лишь упорядочением и систематизацией мнений экспертов. Их содержательный анализ посредством специальных статистических процедур — задача последующих этапов работы.

Мы признательны всем, кто сотрудничал с нами в этом исследовании, и надеемся на их дальнейшую помощь.

Примечания

¹ Helmer O. Social Technology. N. Y., 1966; Dalkey N. The Delphi Method: An Experimental Study of Group Opinion. Memorandum//RM-5888-PR. Rand-Corporation. Santa-Monica, 1969; Dalkey N., Helmer O. An Experimental Application of the Delphi Method to the Use of Experts//Management Science. 1969. № 9; The Delphi Method. Techniques and Application. L., 1975; Гордон Т. Д. Новые подходы к методу Дельфи//Научно-техническое прогнозирование для промышленности и правительственных учреждений. М., 1972; Хелмер О. Анализ будущего: метод Дельфи//Там же.

² Экспертные оценки в научно-техническом прогнозировании. Киев, 1974; Экспертные оценки. М., 1979; Добров Г. М. Прогнозирование и оценки научно-технических нововведений. Киев, 1989, и др.

³ Об этноархеологии см.: Шнирельман В. А. Этноархеология — 70-е годы//Сов. этнография. 1984. № 2.

Quo Vadis?

The article presents the first results of expert investigation of contemporary situation in ethnology in Russia and perspectives of its future development. Prominent Moscow scientists discussed the scientific crisis in Russia, its evince and reasons. Most of experts deny «the soviet theory of ethnos», but some of them insist that there are no reasons even in the term «ethnos». The necessity of protracted field work were proclaimed to be a strategy of empirical studies. Speaking about peoples and regions of foremost immediate study almost every scholars mentioned Russians and Russia, but according to the most actual ethnological aspects the opinions were various. Such «pre-prognosed orientation» help to the authors of present investigation to specify problems to be discussed on the 2nd stage. The results will be published in one of the following issues.

Ye. I. Filippova, V. R. Filippov